

Бесконечное путешествие

Культура. — 1999. —
9-15 дек. — с. 2

Памяти Евгения Дворжецкого

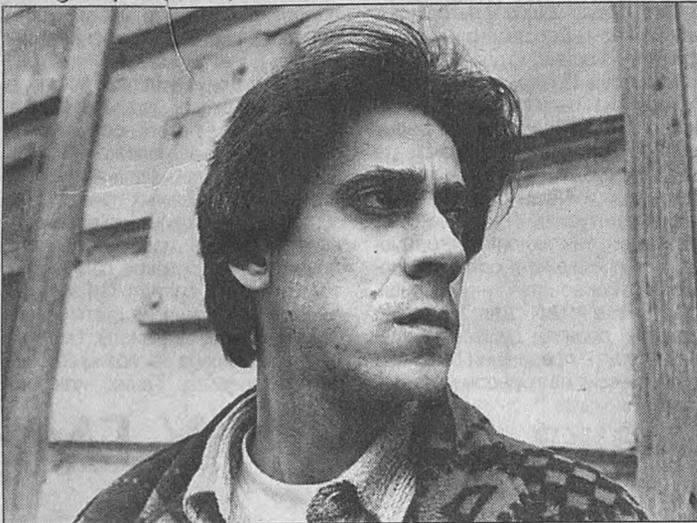

фото Н. САМОЙЛОВА

Следующий после похорон день я провел в театре, в своем кабинете.

В углу на столе стоит Женина фотография с черной лентой. Перед ней — рюмка, черный хлеб с поминком.

Мы провели вдвоем целый день. Куда бы я ни двигался по комнате, меня провожали его удивительные глаза. И эта упрямая улыбка, готовая проявиться в любую секунду, воплощала не только его колоссальный юмор, но всю его человеческую и творческую энергию, волю, неподдельный интерес к жизни.

В наш театр Женя попал после окончания до сих пор бесконечно чтимого им Шукшинского училища, окончив курс Людмилы Владими-

ровны Ставской. Как и все молодые артисты, сначала "вводился" на чужие роли в уже идущие спектакли.

Рост артиста прямо пропорционален росту личности. Это мое убеждение. Женин рост очевиден и паразителен.

В его характере и таланте уникально сочетались острая, нестандартная, демократическая сущность и некая театральная изысканность, аристократичность. Демократичность, не понятая как разбросанность. Аристократизм, не понятый как высокомерие. Его человеческий диапазон был широк. И настолько же широк диапазон творческий.

Он блестяще играл комедийные роли (Бельведонский в "Бане", Пан-

талоне в "Любви к трем апельсинам", Шура Балаганов в фильме "Мечты идиота"). Он был свободным, точным, ярким в характерных ролях ("Ловушка 46, рост второй" в РАМТе, спектакль "Антигона в Нью-Йорке" в "Школе современной пьесы"). Он обнаруживал мощное актерское мужское обаяние и силу. Эти качества развивались и в дальнейших его ролях. В "Фаусте", "Принцессе Грезде"...

И при всем этом Женя сам говорил, что любимой ролью его была роль Сказочника в "Снежной королеве", что такой "прямой контакт" с детским зрительным залом — главное, ради чего стоит работать.

Женя отличался требовательностью к себе. Его жесткий самоанализ не оборачивался рефлексией. Он категорически не соглашался с любыми остановками в освоении мастерства, он хотел двигаться дальше, дальше. Он был жестко требователен к партнерам и радовался малейшему мгновению подлинного рабочего процесса. Во время работы он никогда не соглашался говорить неправду. Его непримиримость была всегда замешена на искренности, была оборотной стороной подлинного желания настоящей, требовательной работы, радости от сотворчества. И то и другое было для нас очень важно.

Тит в "Беренике" — Евгений Дворжецкий. Нина Дворжецкая — Береника. Нина для Жени была очень важным, значительным партнером. Помимо всего прочего, он очень ценил ее как профессионала. На репетиции "Марсианских хроник" он, сидя рядом со мной, как-то, смотря

из зала ее сцену, с восхищением и подлинным уважением сказал вслух: "Вот — актриса. Кто я рядом с ней?"

У него было потрясающее отношение к актерам старшего поколения, к "старикам". Некоторое время назад я задумал поставить "Аварию" Дюрренматта. Ему страшно нравилась эта идея. Он очень хотел сыграть с ними. Искренне жалел, когда репетиции приостановились.

Какая гордость за уровень личностных и профессиональных качеств отца Вацлава Яновича Дворжецкого. И мамы, выдающегося театрального педагога Ривы Яковлевны Левите.

Сколько лет ездит Рива Яковлевна к своим из Нижнего Новгорода в Москву, и первый раз, сказала она, Женя ее не встретил. В эти дни.

Его триумф произошел в день, когда с ним прощались. Он был на сцене. Вокруг него стояли друзья и коллеги. И был переполненный зал. Люди — до верхнего яруса и во всех проходах, у каждой двери. И эти лица, и слова, которые находились в его честь, в его память — это было признание настоящего Артиста.

На следующий день после похорон Нина играла спектакль. Подругому и быть не могло. Женя бы не понял, если бы было иначе. Их бесконечная преданность театру, жизни, друг другу были одинаковыми.

Алексей БОРОДИН,
художественный
руководитель РАМТа